

В ЛАБИРИНТЕ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ: СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САХАЛИНСКИХ АЙНОВ (1946–1949 гг.)¹

© 2021 г. Т. П. Роон

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: roon.tanya@mail.ru

Поступила в редакцию 19.10.2020 г.

После доработки 26.10.2020 г.

Принята к публикации 20.11.2020 г.

В статье анализируются малоизвестные публикации, новые данные из центральных, региональных и музейных архивов по научным исследованиям айнов Сахалина в период после Второй мировой войны. Отмечена ведущая роль учёных академических институтов в сборе информации о культуре, языке, антропологии этой этнической группы. В центре внимания советской научной школы были проблемы расо- и этногенеза айнской общности. С ростом политической напряжённости в период позднего сталинизма научные материалы об айнах попали в категорию секретных. В связи с этим многие собранные в те годы фотографии, полевые записи, доклады, а также данные переписи айнов были изъяты из архивов и до сих пор остаются недоступными. Политические вызовы существенно ограничили реализацию планов и тематическое разнообразие исследований. Сохранившиеся архивные рукописи необходимо ввести в научный оборот.

Ключевые слова: айны, Сахалин, послевоенный период, история науки, репатриация, коренные народы, экспедиции.

DOI: 10.31857/S0869587321030063

История общин коренных народов Сахалина, в том числе айнов, в период геополитических изменений XX в. не изучена и потому остаётся темой, актуальной в научном дискурсе. По итогам Второй мировой войны Южный Сахалин и Курильские острова вошли в состав СССР, после чего айны почти четыре года жили в Советском Союзе. Японское население бывшего губернаторства Карафуто, а тогда Южно-Сахалинской

области², составляло около 300 тыс. человек и в этническом плане было неоднородно: японцы (275 449 человек), корейцы (23 498), китайцы (103), русские (97), поляки (27), коренные народы – айны (406), орочены (ороки) (288), эвенки (81), нивхи (24), нанайцы (11), прочие (16) [1]. В те годы в культурных и научных кругах нашей страны появился интерес к айнам. Событием стали выставки “Айны – жители Южного Сахалина” Государственного музея этнографии народов СССР и “Айны” Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого [2, л. 11 об]. На первой побывало более 50 тыс. человек [3]. В Южно-Сахалинской области открылся музей, удивлявший посетителей японской архитектурой и айнскими этнографическими коллекциями.

Этот период истории коренных общин до сих пор мало изучен этнологами. Несмотря на об-

¹ Статья перепечатывается из журнала “Этнографическое обозрение” (2020. № 4. С. 132–149).

РООН Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, докторант-соискатель МАЭ РАН.

² 23 сентября 1945 г. на Южном Сахалине было создано Управление по гражданским делам штаба Второго Дальневосточного фронта. 2 февраля 1946 г. образована Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края, куда вошли Южный Сахалин и Курильские острова. 2 января 1947 г. создана Сахалинская область в современных границах в составе РСФСР.

ширную историографию эпохи, об айнах Сахалина известно немного. Обращение к истории советской науки, в частности, к публикациям первых послевоенных лет, фиксирующим временной срез общества, вполне обоснованно. Но оказалось, что список этих публикаций краток, работы некоторых авторов недоступны, а имеющиеся статьи лапидарны. Возник логичный вопрос: почему десятилетиями не появлялись монографии по этнографии айнов Сахалина? Чтобы ответить на него, нам понадобилось изучить исторический контекст и собрать дополнительные данные, проанализировав публикации и документы, касающиеся участников событий. Поиск информации в разных архивах выявил явную скудость либо полное отсутствие в доступе материалов об айнах. Поэтому представляется актуальным вновь рассмотреть научное наследие тех лет в контексте развития айноведения и историко-политической реальности. Это важно для продолжения поиска ценных “старых” источников, необходимых для анализа прошлых событий, во многом сформировавших подходы к айноведению в советской науке и влияющих на сегодняшнее положение дел. В фокусе статьи – рассмотрение документов из центральных, региональных и музейных архивов, а также малоизвестных публикаций, которые дают возможность восстановить цели и задачи послевоенных экспедиций к айнам, полученные в ходе них результаты и осмыслить вклад их участников в науку. Важно понять, как разные факторы, в том числе внутренняя политика советской власти, повлияли на осуществление научных планов и какую роль они сыграли в судьбах учёных.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР активно занимался исследованием этнографии народов Восточной Пруссии и юга Сахалина в первые послевоенные годы. В план учреждения была включена тема № 4 “Изучение этнического состава стран, представляющих интерес в связи с послевоенным устройством мира” [2, л. 47 об]. Советские учёные занялись теоретическими вопросами расо- и этногенеза народов Северо-Восточной Азии, уделяя внимание так называемой айнской проблеме, остававшейся белым пятном мировой науки. Принимая во внимание аргументацию Л.Я. Штернберга в пользу австронезийского происхождения айнов [4], антрополог Н.Н. Чебоксаров, работавший над расовой систематикой, отметил, что особенностью краинологического типа айнов состоит в уникальном сочетании австралоидных и южно-монголоидных признаков, что указывало на соответствующие “расогонические связи” [5, с. 69]. Он считал, что в неолите айны распространились из южных

регионов Индокитая до Японии и Сахалина. “Локальные варианты веддо-индонезийской, айнской и индо-меланезийской групп складывались в условиях островной среды, которая стимулировала выработку специфических расовых особенностей в малых этнических группах” [6, с. 67]. В отсутствие данных по археологии Сахалина А.П. Окладников, рассматривая зарубежные публикации, сделал вывод, что айны “генетически связаны с неолитическим населением Японских островов и долго сохраняли различные элементы его культуры” [7, с. 25]. Эти теоретические работы ориентировали институт на продолжение антропологических и археологических изысканий.

В связи с расширением региона исследований Чукотская комплексная экспедиция под началом Г.Ф. Дебеца, основанная в 1945 г. [8], в том же году была переименована в Северо-Восточную комплексную экспедицию, в задачу которой входило изучение освоения Америки человеком и “проблемы этногенеза населения Америки в связи с этногенезом населения Северо-Восточной Азии” [9, л. 54]. В ходе экспедиции с 1946 по 1950 г. планировалось провести этнографические, лингвистические, археологические и антропологические исследования коренных народов региона. Предметом изучения стали и айны.

Первая советская экспедиция к айнам Сахалина состоялась в августе 1946 г., спустя 41 год после исследований Б.О. Пилсудского, собравшего в 1902–1905 гг. коллекции по культуре, фольклору этой этнической группы и внесшего значительный вклад в айноведение [10]. Приказ директора С.П. Толстова был краток: “Профессора Яковлева Николая Феофановича командировать на Южный Сахалин с 12 июля по 1 сентября с.г. для участия в комплексной Северо-Восточной экспедиции” [11, л. 79, 80]. В отчёте института в Академию наук по теме № 4 отмечалось: “В связи с работами Северо-Восточной экспедиции Институтом было дано научное поручение ст. н. сотруднику Института языка и мышления АН СССР профессору Н.Ф. Яковлеву по обследованию айнов Южного Сахалина. Профессор Яковлев совершил в течение августа–сентября поездку по Южному Сахалину и собрал лингвистические материалы, а также данные по расселению айнов и их современному положению” [2, л. 53].

В те годы айнами занимался ленинградский востоковед Н.В. Кюнер, написавший о них три неопубликованные статьи, последнюю – в 1946 г. [12]. Но выбор пал на лингвиста-кавказоведа Н.Ф. Яковлева³. Возможно, это был субъектив-

³ Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) – лингвист, один из создателей фонологии, алфавитов для бесписьменных языков и пяти грамматик для кавказских языков, кавказовед, заведующий сектором яфетических языков Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, член Учёного совета Института языкознания АН СССР, профессор Московского института востоковедения.

ный подход. С.П. Толстов и Н.Ф. Яковлев были знакомы давно: в 1929 г., когда началось наступление марксизма на “буржуазную” этнографию, они участвовали в совещании этнографов Ленинграда и Москвы, а в январе 1930 г. критиковали доклад В.Г. Богораза в Москве [13]. На Марровских чтениях Н.Ф. Яковлев выступил с докладом “Древнейшие языковые связи Евразии и Америки”, отметив сходство древних языков Европы, яфетических, палеоазиатских языков Северной Азии и языков Северной Америки по некоторым грамматическим признакам; позднее он опубликовал по этой теме две статьи [14, 15]. Отсюда следует, что ему был интересен айнский язык, при этом тема его исследований соответствовала плану института по изучению проблемы заселения Америки в связи с этногенезом народов Северо-Восточной Азии, в том числе айнов, поднятой ещё американским антропологом Ф. Боасом и Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедицией на рубеже XIX–XX вв.

Информации о первой советской экспедиции к айнам очень мало. В статьях о Н.Ф. Яковлеве сведений об этом факте нет. Также неизвестны его отчёты, полевые материалы, публикации. Во время экспедиции исследователь собрал небольшую коллекцию предметов, которую передал в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого [16], но сегодня в фондах МАЭ она отсутствует. Известно, что Н.Ф. Яковлев выступал с докладами о результатах поездки. Так, в программе научной сессии Института этнографии по итогам полевого сезона 1946 г., состоявшейся 12–15 февраля 1947 г., в разделе “Экспедиции и командировки в Сибирь” был указан его доклад “Изучение Сахалина”. В архивном деле не оказалось ни протокола заседания по результатам Северо-Восточной экспедиции, ни того текста [17]. Лишь в журнальном обзоре сессии есть строка: “Сообщение об айнах сделал Н.Ф. Яковлев” [18, с. 111]. Краткое содержание другого доклада, “Древнейшие обитатели Южного Сахалина – айны”, с которым учёный выступил на сессии по поводу 25-летия Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР в декабре 1946 г., опубликовано в обзоре советского журнала “Вестник Академии наук СССР”: «Целью поездки было исследование языка и быта древнего племени – айнов. В городе Южно-Сахалинске (Тойохара) сведений о численности айнов не оказалось, и исследователь сам объехал все айнские селения, установил по каждому из них численность населения, степень сохранности языка и бытовых особенностей айнов. <...> Сейчас даже в посёлках, где айны составляют большинство населения, только старшее поколение ещё помнит родной язык. Это тоже результат шовинистической японской политики: преподавание в школах велось лишь на японском языке, и потому моло-

дёжь уже не понимает родной речи. “Ояпонились” айны и в бытовом отношении. Жилище по своему внутреннему убранству отличается от японского лишь большей бедностью... Во всеобщем употреблении японская одежда, и лишь у стариков можно встретить старинные рубахи... из крапивной поскони <...>. Составил таблицы слов и грамматических форм языка айнов... Докладчик подчеркнул, что сейчас перед айнами открыта широкая дорога к экономическому и культурному развитию» [19, с. 105, 106].

Там же упомянуто о попытках японских властей эвакуировать айнов с началом военных действий на Сахалине в августе 1945 г.: «Им было приказано бросить свои жилища и собраться в порт Маоку для отправки на о. Хоккайдо вместе с японцами. Когда эвакуация не удалась и айны вернулись в свои дома, их имущество оказалось разграбленным. “Так закончились мероприятия японского правительства по отношению к айнам”, иронически заметил докладчик» (там же, с. 106).

Историк Д. Стефан нашёл публикацию Н.Ф. Яковлева об айнах Сахалина в лондонском журнале [20]. В этой единственной краткой статье описаны расселение, физический тип, культура, верования и атрибуты обрядов айнов: божества *камуи*, культ *инау*, ритуальные палочки *икуниси*, сакральные места дома: «Айны соблюдают языческий культ, хотя они давно бросили отмечать “медвежий праздник”. <...> В переднем углу комнаты, рядом с Буддой (айны охотно исповедовали православие или буддизм, но во время войны японские империалисты запретили все религии, кроме синто) на маленькой полке можно увидеть небольшие деревянные палочки с завитками стружек вверху в виде головы и засечками глаз, рта, пупка и другими отверстиями. Они олицетворяют маленького человека – главного бога огня и очага “ундзи инау” (“ундзи” означает “огонь” по-айнски) (перевод мой. – Т.Р.)» [21, р. 277].

Также в тексте упомянуты старинные захоронения на айнском кладбище, их оформление камешками и глиняными черепками, различия в орнаменте деревянных надгробных знаков-столбов, нарты и части колыбели на разных могилах.

Н.Ф. Яковлев отметил, что «айнское слово “котан” совпадает с тюрко-татарским “котан” – лагерь, временное поселение пастухов, и монгольским “хотон” – город или деревня», а также провёл аналогию между айнским музыкальным струнным инструментом *тонкори*, грузинским *конгури* и тюрко-татарским *донгуром* [ibid, 277]. Спустя 70 лет после написания статьи японские учёные, исследуя происхождение *тонкори*, обратились к музыкальной культуре народов Северного Кавказа, предположив, что его появление у

сахалинских айнов связано с выходом русских казаков к берегам Амура в середине XVII в. и последующими этнокультурными контактами в регионе [22].

Из японских источников Н.Ф. Яковлев выписал численность айнов по годам, показавшую отрицательную динамику. Советские органы выявили всего 170 айнов во время выдачи временных удостоверений японскому населению [23]. Из-за разницы данных японской и советской статистики исследователь решил сам подсчитать представителей этнической группы по месту проживания. Он застал большинство айнских семей в сёлах до их отъезда. Это позволило создать ценный список фамилий семей айнов и получить первую реальную цифру их численности на острове — «около 1200 человек» [21, р. 278]. Список Н.Ф. Яковлев привёз с собой из командировки. Но этот уникальный источник сегодня так и не найден, несмотря на поиски [24, л. 17–19 об]. Другие посемейные данные (книги, списки) айнов в архиве губернаторства Карафуто не сохранились [25]. Информацией об этой экспедиции поделился бывший работник Сахалинского областного краеведческого музея⁴ и Сахалинской научной базы АН СССР Б.А. Жеребцов⁵ в письме к сотруднику этого музея М.М. Прокофьеву в 1984 г.: «Доктор Н.Ф. Яковлев... предложил мне поехать с ним к айнам Сахалина... Мы объехали все их поселения... переписали всех поимённо (кажется 1159 человек) и эти списки увёз с собой Н.Ф. Яковлев... я выполнял роль японск.[ого] переводчика и наблюдателя над бытом и культурой айнов... Всех айнов переписывал я, т.к. проф.[ессор] Н.Ф. Яковлев не мог с ними изъясняться из-за незнания яп.[онского] языка, на котором говорили почти все айны. Я застал стариков айнов, которые помнили русских до русско-яп.[онской] войны, знали Пилсудского, революционера — ссыльного (брата фашиств.[ующего] главаря Польской республики). Пилсудский жил среди айнов, а когда уехал, то говорят, что одна айн-

ская женщина ослепла от слёз, оплакивая его отъезд [24, л. 3, 4]⁶.

Знакомство Б.А. Жеребцова с Н.Ф. Яковлевым состоялось в Южно-Сахалинском областном музее. Там московский учёный, возможно, встретился с японскими айноведами, видел бытовые и ритуальные предметы, японские книги об айнах, впечатлившие И.П. Лаврова годом позже [27]. В то лето Б.А. Жеребцов работал заместителем директора музея и, общаясь с японскими работниками, научился разговорному японскому языку. Ему разрешили сопровождать Н.Ф. Яковлева в поездках по селениям айнов с 1 по 20 (?) августа 1946 г. [28].

Студент С.Н. Раковский, в будущем известный географ, упомянув в статье об экспедиции Н.Ф. Яковлева, отметил, что самым интересным является селение Сирахама (Кирпичное), в котором живут айн Омука, владеющий русским языком и служивший переводчиком у русских до русско-японской войны, и айнка Усарусима с татуировкой вокруг губ, лучшая рассказчица сказок и историй [29].

Таким образом, Н.Ф. Яковлев стал первым советским учёным, собравшим достоверные сведения о численности, данные по языку, информацию об истории айнов, уловившим кардинальные изменения в их жизни и культуре, которые произошли за 40 лет проживания в японском обществе. Однако научные итоги его исследований оказались невелики: статья в английском журнале и два выступления на конференциях (опубликовано лишь краткое содержание одного из них). Были и другие материалы (таблицы по языку, перепись айнов, коллекция), но найти их не удалось. Судя по всему, поездка носила рекогносцировочный характер и за ней должны были последовать другие — с более широкой тематикой. В поданной директору Института языка и мышления академику И.И. Мещанинову «Докладной записке и проекте дальневосточной экспедиции ИЯМ» Н.Ф. Яковлев предлагал изучать языки Дальнего Востока: корейский, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, находившиеся «на грани исчезновения». Об айнском языке он писал: «Материалов по этому языку совсем не имеется в распоряжении советской науки. <...> они могут пригодиться при решении вопросов школьного преподавания и использования родного языка в деле поднятия культурного уровня этого народа» [30, л. 1, 2]. Исследователь планировал дальнейшее изучение айнского языка, но больше не вернулся к этому вопросу.

⁴ 28 апреля 1946 г. в бывшем японском здании г. Южно-Сахалинска был открыт для посетителей Государственный краеведческий музей Южно-Сахалинской области (в документах его часто называют Южно-Сахалинским краеведческим музеем). После переименования области музей также сменил название, став с января 1948 г. Сахалинским областным краеведческим музеем.

⁵ Борис Александрович Жеребцов (1921–1984) — историк, археолог, с 1944 г. работал в Боспорской экспедиции АН СССР и в Керченском музее; 20 июня 1946 г. зачислен на должность заместителя директора по научной части Южно-Сахалинского краеведческого музея; в 1946–1949 гг. младший научный сотрудник Сахалинской научной базы АН СССР; в 1949–1950 гг. директор Сахалинского краеведческого музея; в 1950–1952 гг. старший преподаватель Южно-Сахалинского учительского института. В июле 1952 г. с семьёй выехал в Москву. Работал учителем в школах Красногорского района Московской области.

⁶ История айнской семьи Б. Пилсудского появилась в довоенной японской печати [26], узнали о ней и Н.Ф. Яковлев с Б.А. Жеребцовым, а также другие учёные и краеведы, работавшие позже с айнами.

Социальный эффект экспедиции был более ощутимым. Н.Ф. Яковлев привлёк внимание местных властей к положению айнов. Хотя этому нет прямых доказательств, можно предположить, что после поездки учёный встретился с начальником гражданского управления Южно-Сахалинской области Д.Н. Крюковым, возможно, даже предоставил ему информацию в письменном виде, так как 26 августа 1946 г. в адрес Хабаровского крайкома ВКП(б) была направлена «Справка о положении айнов на Южном Сахалине» за подписями Крюкова и начальника политотдела П. Богачева [31, с. 155–157]. В ней сообщалось, что айны (1110 человек) живут в 13 селениях, почти не ассимилировались и браки с японцами у них — редкое исключение. «Со стороны айну нередко можно слышать просьбы — не смешивать их с японцами» (там же, с. 155). В документе сформулированы мероприятия по улучшению экономического положения айнов: «1. Выйти с предложением в Верховный Совет СССР о разрешении айнам, как коренным жителям Сахалина, принять советское гражданство... ибо усиленная агитация японцев и провокационные слухи о скором выезде в Японию ставят айнов в неопределённое положение. 2. Разрешить управлению по гражданским делам Южно-Сахалинской области выделить айнов из среды японского и корейского населения в отношении снабжения продовольственными и промышленными товарами, приравнять айнов-рыбаков в снабжении к советским гражданам, занятым в рыбной промышленности Южного Сахалина» (там же, с. 156).

Очевидно, предложения региональной власти поступили высшему руководству страны. В сложнейший послевоенный год японским рыбацким артелям, где трудились и айны, разрешили платить советскими деньгами и выдавать продуктовые карточки, которые рыбаки могли отovarивать в магазине.

В третьем пункте справки содержалась ссылка на проведённую профессором Н.Ф. Яковлевым работу среди айнов и поднятый им вопрос об улучшении их положения, а также изложена просьба к Академии наук направить специалистов для изучения этнографии этого народа (там же, с. 157).

Второе исследование айнов было предпринято Амуро-Сахалинской экспедицией Института этнографии в сентябре 1947 г. На остров поехали физические антропологи М.Г. Левин⁷ и Н.П. Дебец, искусствовед И.П. Лавров. Их основная цель состояла в антропологическом изучении айнов «для разрешения “айнской проблемы” и общих

⁷ Максим Григорьевич Левин (1904–1963) — видный советский учёный, антрополог, заместитель директора Института этнографии АН СССР, заместитель главного редактора журнала «Советская этнография». Автор более 600 научных работ.

вопросов антропологии Восточной и Северо-Восточной Азии» [32, с. 19]. Учёные проводили обмеры других коренных народов острова [33], а также корейцев и японцев [34]. Б.А. Жеребцова, уже сотрудника Сахалинской базы, по письму начальника отряда М.Г. Левина командировали в эту экспедицию с 16 сентября по 5 октября [35] для перевода с японского языка. Он наблюдал, как проводились измерения (рост, размеры и формы черепа, волосяной покров на теле) мужчин и женщин не старше 35 лет — выходцев из разных районов Японии [24, л. 3 об]. В с. Сирахама (Кирпичное) с учёными работал айн Сиракава, знавший русский язык. Участники экспедиции собрали коллекцию «медвежьих» амулетов, информацию о бытовых особенностях и ритуалах, а также оттиски орнаментов айнских надгробий. Интересно было бы прочитать описания камлания айнской шаманки в бубном и культовых мест возле селений, которые упоминаются в статье Левина [33], но полевые записи учёных в архивах также не обнаружены.

Поездка состоялась в год активной репатриации бывшего японского населения и начала отъезда айнов в Японию. Эти события затронули работу экспедиции. Вот что Академия наук сообщала в аппарат уполномоченного при Совете министров СССР по делам репатриации: «Амуро-Сахалинской экспедиции Института этнографии АН СССР было поручено провести антропологические исследования айнского населения Южного Сахалина. Поскольку значительная часть айнского населения, объявив себя японцами, находится в лагере № 379 (Маоко) (репатриационном лагере в г. Холмск. — Т.Р.), экспедиция обратилась в администрацию лагеря с просьбой о допуске в лагерь для производства исследований. В настоящее время экспедиция вернулась в Москву и вопрос о её работе в лагере отпал» [36, л. 248].

Дело в том, что 14 сентября по пути в с. Рандомари учёные попросили допуск в транзитный лагерь, где было около 5 тыс. репатриантов, но их не пустили на режимный объект из опасения «неправильного истолкования японцами проводимой научной работы» [37, л. 145].

В 1948 г. из Академии наук в аппарат уполномоченного по делам репатриации сообщили, что «это племя (айнов. — Т.Р.) с точки зрения дальнейших исследований интереса для них (учёных Института этнографии. — Т.Р.) не представляет, и они не возражают против отправки айнов в Японию» [38]. Явно произошёл поворот политики в отношении айнов. Официальное мнение Академии наук о судьбе этого народа пошло вразрез с прежними выступлениями Н.Ф. Яковлева.

В научном архиве М.Г. Левина хранится безымянный машинописный текст (10 страниц) об ай-

нах с обрезанным сверху первым листом, где обычно пишется фамилия автора. Приведём небольшой отрывок из него: “В пределах СССР айны обитают в немногих пунктах Южной части острова Сахалина. Общее количество айнского населения на Южном Сахалине исчислялось в 1945 г. приблизительно в 1200 человек. <...> Слово эндзю/эндзу/ в значении человек /эндзю- утара/ люди- известно и в современном языке сахалинских айнов. <...> Большинство айнов работало на японских рыбных промыслах и влачило жалкое существование... Айнские дети обязаны были посещать японские школы, где айнский язык был совершенно изгнан, так что в последние годы лишь старшее поколение помнит ещё айнский язык, молодёжь же говорила только по-японски. Под давлением японцев айны почти утратили свою самобытную культуру и вынуждены были оставить многие свои обычаи и обряды” [39, л. 1, 2, 6, 7].

Этот текст мог принадлежать востоковеду Н.В. Кюннеру, и тогда последние данные об айнах Сахалина были взяты им у Н.Ф. Яковлева. Но это также мог быть один из отчётов Н.Ф. Яковлева, так как в нём содержится примерно та же информация, что опубликована в “The Asiatic Review”, но в расширенном виде. В годы сталинских репрессий была распространена практика вымарывания лиц и фамилий репрессированных людей в книгах, на фото и т.д. Поскольку Н.Ф. Яковлева позже уволили и поместили в психбольницу, его фамилию на листе могли срезать. Но это лишь догадка — к сожалению, сегодня едва ли кто-то проснит происхождение этих материалов.

Три коротких сообщения — об Амуро-Сахалинской экспедиции, антропологических исследованиях, искусстве и культах нивхов и айнов — были опубликованы спустя два года [27, 32, 33]. Фотографии Амурской части экспедиции доступны на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (<http://photo.iea.ras.ru/catalog.html>); фотоматериалов по народам Сахалина нет, отсутствуют они и в архивах. Институт этнографии организовал только две экспедиции к айнам — в 1946 и 1947 гг. — и программа изучения этого народа была досрочно свёрнута. Полноценных этнографических исследований, значившихся в плане, не последовало.

Сахалинская научно-исследовательская база АН СССР, созданная в 1946 г. под Южно-Сахалинском, была самым крупным подразделением Академии наук на Дальнем Востоке⁸. Буквально че-

⁸ Сахалинская научно-исследовательская база переименована в 1949 г. в Сахалинский филиал АН СССР, в 1955 г. — в Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР, в 1984 г. — в Институт морской геологии и геофизики АН СССР, в настоящее время — Институт морской геологии и геофизики ДВО РАН (<http://www.imgg.ru/ru/imgg-history>).

рез месяц после экспедиции Н.Ф. Яковлева, в сентябре 1946 г., на совещании в Областном управлении по гражданским делам были заслушаны выводы комиссии АН СССР во главе с А.П. Судоплатовым о задачах базы [31]. Комиссия обосновала важность таких исследовательских направлений, как геология, разведка природных ресурсов (нефти, угля), ботаника, зоология (в том числе для нужд животноводства), отметила факт существования на базе музея и библиотеки, а также подчеркнула необходимость работы отделения этнографии для изучения освоения русскими Сахалина, коренных народов и “разрешения главных вопросов советской этнографии в области изучения айну” [40, л. 85–88]. Возможно, и это заявление появилось под влиянием экспедиции Н.Ф. Яковлева.

Для решения поставленной задачи комиссия рекомендовала трёх сотрудников Сахалинского областного музея, и среди них — Б.А. Жеребцова, “который провёл рекогносцировочную экспедицию по обследованию современного состояния айну, собирает материал для диссертации, которую готовит к защите” [40, л. 89]. Поездка с Н.Ф. Яковлевым сильно повлияла на научные интересы молодого археолога, который стал изучать культуру айнов, используя свои возможности сотрудника Сахалинского областного музея. В письме М.М. Прокофьеву он упоминает, что опирался на записи и коллекции японских работников музея: бывшего директора Ямамото Тосио, доктора Вада Бундзиро, историка Кокити Окуяма, которые познакомили его с трудами Тории Рюдзо, Киндаити Кёсукэ и айнского учёного Тирри Масихо. Именно Б.А. Жеребцов принял у японских учёных коллекции, не разрешённые к вывозу в Японию [41, л. 4, 5].

Он начал работать в географо-этнографическом секторе базы, научное руководство которым осуществлял биолог, доктор наук А.И. Толмачёв [42]. Став младшим научным сотрудником базы, Б.А. Жеребцов читал лекции, выезжал на консультации во Владивосток, в Москву, изучал книги по айнам в библиотеке базы, куда из частных собраний и библиотек области поступали все собранные японцами книжные фонды на разных языках [43, л. 5]. Используя опыт Н.Ф. Яковлева, начинающий учёный сделал сводку численности айнов и японцев на Сахалине (1919–1940 гг.) из справочников и таблицу данных по сёлам на 1946 г. [44]. Деятельность Б.А. Жеребцова предусматривала создание “полной сводной работы по этнографии Сахалинских айнов” для решения вопроса этногенеза и выяснения причины вымирания айнов, а также “в целях возрождения народа” [45, л. 41, 42].

Самостоятельные экспедиции к айнам 1948 г. стали важной вехой биографии Б.А. Жеребцова.

Разрешение начальника штаба Сахалинского округа погранвойск МВД позволяло ему посетить пять селений айнов: Сирохама, Нитой (восточный берег), Райчиси, Уссири, Тарандомари (западный берег) [41, л. 9, 9 об]. Первую поездку (17 сентября—14 октября) он совершил вместе с фотографом И.С. Квачом, сделавшим изумительные этнографические снимки айнов и их селений [46]. Второй выезд, согласно отчёту, состоялся 18 октября—15 ноября (в приказе 25.11.1948). Б.А. Жеребцов собрал предметы с айнского кладбища с. Раичиси для музея базы. Не без участия исследователя поднимался вопрос о передаче Сахалинской научно-исследовательской базы японских храмов для создания музея [47]. Распоряжение Совета министров СССР за подписью Сталина разрешало использовать храмы для размещения культурных учреждений [48]. Но инициатива не была реализована. Пролетав десять лет в Сахалинском комплексе научно-исследовательском институте ДВНЦ АН СССР в п. Ново-Александровск, коллекция Б.А. Жеребцова попала в Сахалинский областной краеведческий музей [49].

Небольшая рукопись первого отчёта Б.А. Жеребцова с фотокадрами И.С. Квача — важный источник для изучения социальных изменений в сообществе айнов в период их репатриации в составе японского населения [43, л. 1—20]. К июлю 1949 г. учёный также подготовил машинописный отчёт “Материальная и духовная культура сахалинских айнов” с рисунками из книг и фотографиями И.С. Квача [50]. Эта работа — историографический обзор на основе русских, европейских, японских изданий с описанием традиционной материальной и духовной культуры айнов. Особую ценность здесь представляют фотографии айнов и их селений. По признанию Б.А. Жеребцова, он собирал предметы и “литературно-архивные материалы”, а современной “японизированной” культурой не интересовался [43, л. 4]. Но его наблюдения современной жизни айнов всё же отражены в тексте. Принимая выводы статьи А.П. Окладникова и японских работ, Б.А. Жеребцов опровергает теорию Л.Я. Штернберга и склоняется к тому, что айнская культура является островной и автохтонной для Японии, Курил и Сахалина. В письме М.М. Прокофьеву о своих открытиях тех лет он пишет: «Основной район становления айнов как племени или народности были центр.[альный] район гл.[авного] яп.[онского] острова Хонсю, Хоккайдо, Юж.[ный] Сахалин и Курилы (особенно Кунашири и Сикотан). <...> Изучение всего этого привело к необходимости оставить “теорию” Штернберга (его работа “Айнская проблема”) об индонезийском происхождении айнов. Айны — это автохтонное население Яп.[онских] островов, Ю.[жного] Сахалина и Курил... даже название главной высоты

вулкана Японии (южнее Токио) Фудзияма имеет айнское происхождение. Японское “фудзи” деривит айнского “удзи” (огонь). <...> “знаменитый” орнамент на керамике айнов, истолкованный Штернбергом как индонезийский, является просто отгиском кручёной верёвки или ткани на сырых глин.[яных] горшках перед обжигом. Айны лепили их от руки, т.к. не знали гончарного круга. Айны перед нач.[алом] XX века переживали ещё культуру каменного века с некот.[орыми] элементами металла» [41, л. 5 об].

Отчёты Б.А. Жеребцова и часть фотоплёнок И.С. Квача чудом сохранились в научной библиотеке базы. О них знали её работники, но их не видели и не упоминали этнографы — до тех пор, пока эти материалы не были опубликованы [42, 51]. Большая заслуга в возвращении из небытия имени и работ Б.А. Жеребцова принадлежит научному сотруднику Сахалинского областного краеведческого музея М.М. Прокофьеву, издавшему биографию и отчёты учёного [42, 51—53]. Содействие в этом оказали заведующий сектором В.Г. Воронов и руководство Института морской геологии и геофизики (ИМГиГ) — бывшей Сахалинской научно-исследовательской базы. Публикация отчётов Б.А. Жеребцова под редакцией С.А. Арутюнова была высоко оценена известным этнографом А.В. Смоляк — участницей Амура-Сахалинской экспедиции 1947 г. в Хабаровском крае [54].

Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР организовал Северную лингвистическую экспедицию, в которой участвовали специалисты Ленинградского университета К.А. Новикова и В.В. Савельева. В 1949 г. несколько месяцев они изучали языки коренных народов Сахалина, в том числе айнов. Уже после репатриации японского населения они выявили 30—34 айна в Поронайском р-не [55]. В с. Устье от Камугайна Кёчидзё Новикова и Савельева записали четыре текста, примеры и тематические словарные записи. От Симодо Коспа в с. Тарайка им удалось получить фразеологические примеры [56]. Незнание языков и отсутствие переводчика весьма затруднили общение лингвистов с айнами, что заметно отразилось на результатах их работы. Записи из экспедиции хранятся в архиве К.А. Новиковой в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутии).

Особняком стоит имя Н.А. Навиндовского⁹, учёного секретаря Приморского филиала Географического общества СССР, зафиксировавшего фольклорные тексты айнов Сахалина в 1946 г. Большую помощь ему оказал тот самый айн Сиракава из Сирахамы, который содействовал экс-

⁹ Николай Александрович Навиндовский (1910—?) — инженер-геолог, работал в Дальшахтострое, с 1945 г. член Приморского отделения Географического общества, учёный секретарь.

педиции М.Г. Левина, Н.П. Дебеца и И.П. Лаврова, знавший русский язык благодаря занятиям в школе Б.О. Пилсудского для айнских детей [44; 57, с. 226]. Н.А. Навиндовский обратился в журнал “Советская этнография” по поводу печати собранных текстов [57, с. 228], но публикация трёх переведённых им айнских сказок появилась значительно позже и в другом издании [58]. Рукопись исследователя хранится в архиве Общества изучения Амурского края [57, с. 228].

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, СУДЬБЫ УЧЁНЫХ И АЙНОВ

В послевоенные годы ужесточение тоталитарного режима в СССР чувствовалось во всём. Партийное руководство вмешивалось в научную деятельность, культуру, образование, устраивало публичные обсуждения статей Сталина. Разгром генетиков, борьба с “космополитизмом” и “марризмом”, травля учителей и учёных были реальностью тех лет. Сахалинский обком ВКП(б) снял замдиректора и учёного секретаря Сахалинской научной базы для “изжития антимишуринских позиций и недостатков”, Академии наук предложил изменить структуру базы, а географо-этнографический сектор сделать географическим [59]. После увольнения Б.А. Жеребцова в связи с окончанием работы по теме и истечением срока договора (15 июля 1949 г.) [60] руководитель базы академик С.И. Миронов предложил закрыть географо-этнографический сектор [57, с. 225]. События того времени Б.А. Жеребцов описал ёмко: «“Японизированных” айнов и толкнули уйти в Японию во время репатриации японцев с Сахалина. В связи с этим была прекращена моя работа в АН СССР, а сектор был закрыт» [41, л. 5 об].

В начале 1950-х годов комиссии обллита изъяли из Сахалинского областного краеведческого музея японские коллекции. В решении облисполкома среди “недостатков” музея отмечалось: “Большое место среди народов Севера занимают айны, которых на территории области единицы. Орочам и нивхам отведён уголок, показывающий эти народности только в глубоком прошлом, тогда как при Советской власти это активные строители коммунизма” [61, л. 58].

Б.А. Жеребцов и Н.Ф. Яковлев оказались вне науки, и эта параллель в судьбах двух учёных очевидна. Начинаящего исследователя Жеребцова с опытом полевой работы не приняли в аспирантуру МГУ даже для написания работы по античной археологии. К айнской теме он не вернулся, хотя увёз с собой музейные книги, рукописи и фотографии. Поэтому они и сохранились, а спустя десятилетия возвратились в Сахалинский областной краеведческий музей [42].

Профессора Н.Ф. Яковлева в 1951 г. с формулировками “за систематическое невыполнение плана” и “нежелание включиться в работу по перестройке научной работы в свете выступлений Сталина о языке” уволили из Института языкознания, где он был членом Учёного совета, и как “неразоружившегося марриста” – из Московского института востоковедения [62, л. 104; 63, с. 104]. Н.Ф. Яковлев пытался восстановиться на работе, но ему это не удалось. После такого удара он оказался в психиатрической больнице и больше не вернулся к научной деятельности, или ему не дали вернуться [63, с. 105]. По воспоминаниям внучки учёного, писательницы Л.С. Петрушевской, её дед очень негативно относился к Берии. О возможных причинах его увольнения В.М. Алпатов пишет: “Невоздержанный на язык Яковлев что-то говорил, по одним воспоминаниям, про Л.П. Берия, по другим, про М.А. Суслова, и это стало известно в инстанциях. Но точных данных нет” (там же, с. 104). Можно лишь гадать о зловещей роли функционера Берии в судьбе учёного.

Причины репрессий по отношению к Б.А. Жеребцову и Н.Ф. Яковлеву кроются, скорее всего, в том, что учёные участвовали в исследовании айнов, продвигали идею советизации этой этнической группы, а также в их “контактах с японцами” во время экспедиции на Сахалин. Политический контекст проблемы массово уехавших в Японию айнов всё больше выходил на первый план. В Японии к 1950 г. началось движение бывших жителей Итурупа, Кунашира и других островов Южных Курил за возвращение этих земель. В местной печати появились статьи со ссылкой на курильских айнов как на “живых свидетелей” мирного развития их общей с японцами-вадзин родины [64]. Чуть позже также обострились разногласия между СССР и США по мирному договору, подписанному в 1951 г. между частью стран антигитлеровской коалиции и Японией [65]. Позиция американских политиков и активизация японской стороны создавали для Советского Союза опасность ревизии итогов Второй мировой войны. В данной ситуации уехавшие в Японию айны могли рассматриваться политическими оппонентами СССР как орудие в оспаривании прав на Курилы и Южный Сахалин.

В этих условиях советское руководство ужесточило внутреннюю политику и режим секретности во всех сферах. Учёных, поднимавших ранее вопрос об интеграции айнов в СССР, уволили из научных учреждений, чтобы нейтрализовать их и скрыть любую информацию о коренных жителях островов. Незадолго до смерти Сталина, 7 февраля 1953 г., секретно был издан приказ № 418с Главлита “О запрете опубликования в открытой печати каких-либо сведений о народ-

ности айны в СССР” [66]. Полагаем, что поэтому цензоры изъяли айнские материалы из всех учреждений, может быть, и архив Н.Ф. Яковлева, который вообще оказался “не собран” [63, с. 105]. Это политическое решение надолго закрыло советским учёным возможность изучения айнов. На годы прекратились этнографические экспедиции в пограничную Сахалинскую область. Собранные материалы могли бы стать базой для дальнейших исследований и разработки новых подходов в айноведении.

* * *

Советский период изучения айнов Сахалина был коротким. Представленные материалы свидетельствуют о сложности условий этнографического поля. Ведущие позиции в исследованиях занимали учёные Академии наук СССР: Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Сахалинской научной базы, которые работали по научным планам. Состоялись четыре экспедиции к айнам Сахалина с участием семи учёных — трёх лингвистов, двух физических антропологов, искусствоведа и археолога — общей длительностью около четырёх месяцев. Трижды и дольше других у айнов был археолог Б.А. Жеребцов. Собранная информация опубликована далеко не в полном объёме: в научный оборот на сегодняшний день введены четыре коротких сообщения, одна этнографическая статья на английском языке, одна статья о языках Сахалина и два отчёта об экспедициях.

К объективным факторам, повлиявшим на досрочное свёртывание научных планов институтов, следует отнести политико-идеологическую обстановку, отъезд айнов и ужесточение режима секретности в отношении любой связанной с ними информации. Существенно снизили возможности исследования субъективные факторы — языковой барьер и отсутствие профессиональных переводчиков, временные рамки. К сожалению, в рассматриваемый период направление “этнография современности” ещё не сформировалось и многое было упущено: не изучены локальные группы и их связи, взаимодействие айнов Сахалина с другими народами острова и материка [54], их “японизированная” культура и многое другое. Очевидно, не были достаточно разработаны критерии и тематика сбора данных у информантов. Концентрация на проблеме происхождения айнов не позволила увидеть другие открывшиеся научные возможности. Эта совокупность факторов сказала на развитии отечественного айноведения: теоретические статьи и монографические исследования по истории и культуре айнов Сахалина как отдельной этнической группы так и не были подготовлены. Археологические работы

на острове начались только в середине 1950-х годов под общим руководством А.П. Окладникова.

Научный вклад Н.Ф. Яковлева и Б.А. Жеребцова в изучение айнов был забыт в СССР на многие годы. Попытка организовать изучение коренных народов в Сахалинском филиале АН СССР потерпела неудачу. В ходе поиска нами выявлено, что многие фотографии, полевые записи, выступления, а также данные переписи айнов были изъяты из разных архивов по политическим мотивам и до сих пор остаются закрытыми.

Однако недолгий период советских исследований айнов всё же дал ощутимые научные результаты: получены данные статистики, собраны этнографические материалы и языковые примеры. Зафиксирован “в поле” поворотный этап истории сахалинских айнов — выбор эмиграции под видом репатриации. Последние айнские коллекции ритуальных предметов собраны на кладбищах и священных местах и переданы в музей [27, 49]. Эти материалы были интерпретированы в генезисе айнского орнамента¹⁰ и дополнили концепцию медвежьего праздника “айнского типа”, истоки которого учёные искали в древних связях айнов с южными культурами. Распространение этого праздника у народов Амуро-Сахалинского региона объяснялось влиянием культуры айнов [27, 67].

Спустя десятилетия были введены в научный оборот сохранившиеся по счастливой случайности отчёты Б.А. Жеребцова, осветившие вопросы традиционной культуры сахалинских айнов, и визуальные источники, созданные И.С. Квачом.

Самым успешным стало антропологическое исследование айнов Сахалина, продвинувшее советскую школу физической антропологии. По выражению Я.Я. Рогинского, “Левин являлся первым советским антропологом, да и первым антропологом в России, лично изучавшим айнов” [68, с. 153]. В период оттепели М.Г. Левин опубликовал монографию по этнической антропологии Дальнего Востока в серии “Труды Северо-Восточной экспедиции”, используя антропологический материал как исторический источник [34]. В ней он представил историографию работ об айнах и обзор теорий их происхождения. Взяв данные измерений и источники по археологии и этнографии, на основе разработанной новой систематики М.Г. Левин выделил реликтовые очаги расообразования, ареалы контактов двух ветвей монголоидов в тихоокеанском регионе, затронул проблемы этногенеза коренных народов Амура,

¹⁰ Например, деревянные змеевидные скульптурные изображения *инока* с головой медведя И.П. Лавров интерпретировал как сочетание культа медведя и занесённого айнами с юга культа змеи. “Култ медведя... как бы преодолевает в этих изображениях полузабытый айнами миф о божественном змее” [27, с. 36].

Сахалина и сопредельных территорий. В главе “Айнская проблема” исследователь обобщил особенности антропологического типа и культуры айнов Сахалина, отличающие их от айнов о. Хоккайдо, и подчеркнул фактор внутрigrупповой изменчивости народа в условиях островной изоляции [там же, с. 252]. Он также выявил айнские признаки в амуро-сахалинском антропологическом типе нивхов, а монголоидные признаки сахалинских айнов объяснил нивхской примесью [там же, с. 303]. Теория австралоидности айнского антропологического типа утвердилась в советской науке. Иные подходы в советском айноведении появились лишь в 1980-е годы.

Северо-Восточная экспедиция оказала большое влияние на структурные изменения в советской этнографии, став предтечей создания сектора Севера и длительной Северной экспедиции Института этнографии АН СССР [69]. Позже некоторые её материалы были востребованы в публикациях по разработке проблем этнографии народов Дальнего Востока, в формулировке теории историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов, в справочных материалах.

Круг источников того периода необходимо расширить за счёт публикации сохранившихся рукописей упомянутых авторов, а также поиска и публикации других работ. Научные материалы и впечатления советских учёных ценны для изучения состояния общества сахалинских айнов конца 1940-х годов, ведь сегодня этой этнической группы практически нет, как нет и монографий об истории айнов Сахалина – древнейшей этнической общности, существенно отличающейся от других народов Восточной Азии. Кроме того, эти материалы нужны для изучения советской этнографии послевоенного периода, столкнувшейся с вызовами тоталитарной власти и её политики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю профессора Гавайского университета (США) доктора Джона Стефана за отзывчивость и любезную помощь в поиске текста англоязычной статьи Н.Ф. Яковлева “A Visit to the Ainu in Southern Sakhalin (1946)”, а также коллектив Института морской геологии и геофизики ДВО РАН за помощь в исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 219. Л. 61.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 74. Л. 11 об, 47 об, 53.
3. *Потанов Л.* Айны – жители Южного Сахалина и Курильских островов (выставка в Ленинградском государственном музее этнографии) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 216–217.
4. *Штернберг Л.Я.* Айнская проблема // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. 1929. Т. VIII. С. 334–374.
5. *Чебоксаров Н.Н.* Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. 1947. Т. 2. С. 24–83.
6. *Чебоксаров Н.Н.* Северные китайцы и их соседи // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. 5. С. 64–69.
7. *Окладников А.П.* К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. № 4. С. 11–33.
8. *Левин М.Г.* Полевые исследования Института этнографии в 1945 г. // Советская этнография. 1946. № 1. С. 235–238.
9. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 72. Л. 54.
10. *Латышев В.М.* Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Прологомены к биографии. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008.
11. АРАН. Ф. 679. Оп. 7. Д. 51. Л. 79, 80.
12. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 302.
13. *Альмов С.С., Арзютов Д.В.* Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках // *Арзютов Д.В., Альмов С.С., Андерсон Д.Дж.* От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 65–68.
14. *Яковлев Н.Ф.* Древние языковые связи Европы, Азии и Америки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. V. Вып. 2. С. 141–148.
15. *Яковлев Н.Ф.* Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. 1947. Т. 2. С. 196–203.
16. *Левин М.Г.* Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. // Советская этнография. 1947. № 2. С. 210.
17. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.
18. *Хроника.* В Отделении литературы и языка. О сессии Института этнографии // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 5. С. 111.
19. *Удалов П.М., Дубровицкая М.Д.* Хроника. Отделение литературы и языка. 25 лет Института языка и мышления им. Н.Я. Марра // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 6. С. 105–106.
20. *Stefan J.J.* Sakhalin. A History. Oxford: Glarendon Press, 1971.
21. *Yakovlev N.* A Visit to the Ainu in South Sakhalin (1946) // The Asiatic Review. New Series. 1947. V. 43 (July). P. 276–279.
22. *Shinohara-Tangiku Ch., Tangiku I.* Tonkori and Shichepchim // Studia Instrumentorum Musical Popularis (New Series). 2017. V. 5. P. 405–416.
23. ГИАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
24. Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (НА СОКМ). Оп. 3. Д. 261. Л. 3, 3 об, 4, 17–19 об.

25. *Костанов А.И.* Из истории архивов губернаторства Карафуто (1945–1947 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 20–31.
26. *Иноуэ К.* Чухсамма и её семья на Сахалине: ветвь Пилсудских в Японии (часть 1) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2017. № 21. С. 2–45.
27. *Лавров И.П.* Об изобразительном искусстве нивхов и айнов (из материалов Амуро-Сахалинской экспедиции) // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. 5. С. 32–39.
28. НА СОКМ. Книга приказов (1946–1947 гг.). Л. 11 об, дата неразборчива.
29. *Раковский С.Н.* На Южном Сахалине // География в школе. 1947. № III (май–июнь). С. 8–16.
30. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 666. Л. 1, 2.
31. Исторические чтения: труды Государственного архива Сахалинской области. Ежегодник. № 2: Южный Сахалин и Курильские острова в 1945–1947 гг. / Отв. ред. Г.И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 1996.
32. *Левин М.Г.* Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. 5. С. 19–24.
33. *Левин М.Г.* Антропологические исследования на Амуре и Сахалине // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 5. 1949. С. 25–31.
34. *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
35. Институт морской геологии и геофизики (ИМГиГ) ДВО РАН. Книга приказов (1946–1949 гг.). 1947. Л. 190.
36. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 404. Л. 248.
37. Российский государственный военный архив. Ф. 438. Оп. 14. Д. 1. Л. 145.
38. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 517. Л. 288.
39. Архив Института этнологии и антропологии (АИЭА) РАН. Ф. 41. Оп. 2. Д. 246. Л. 1, 2, 6, 7.
40. АРАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 85–89.
41. НА СОКМ. Оп. 3. Д. 261. Л. 4, 5, 5 об, 9, 9 об.
42. *Прокофьев М.М.* Предисловие. Б.А. Жеребцов – человек и учёный // *Жеребцов Б.А.* Материальная и духовная культура сахалинских айнов. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012. С. 5–24.
43. ИМГиГ ДВО РАН. Ф. 911. Л. 5, 1–20.
44. *Жеребцов Б.А.* Материальная и духовная культура сахалинских айнов. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012.
45. ИМГиГ ДВО РАН. Ф. 393. Л. 41, 42.
46. ИМГиГ ДВО РАН. Книга приказов (1946–1949 гг.). 1948. Л. 272, 286.
47. ГИА СО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 339. Л. 22.
48. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 253.
49. *Прокофьев М.М.* Каталог коллекций Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2005.
50. ИМГиГ ДВО РАН. Ф. 207. Л. 1–143.
51. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.) / Под ред. С.А. Арутюнова. Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО АН СССР, 1988.
52. *Прокофьев М.М.* Сахалинские айны в 1945–1948 гг. // Айны: проблемы истории и этнографии. Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. 1988. Вып. 6. С. 65–81.
53. *Прокофьев М.М.* Сахалинские айны и айнская проблема в исследованиях Б.А. Жеребцова // Рубеж. 2003. № 4. С. 337–343.
54. *Смоляк А.В.* Научные публикации Сахалинского областного краеведческого музея // Этнографическое обозрение. 1991. № 2. С. 156–158.
55. ГИА СО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 594. Л. 89.
56. *Новикова К.А., Савельева В.Н.* К вопросу о языках коренных народностей Сахалина // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Учёные записки Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова. 1953. № 157. Вып. 2. С. 84–133.
57. *Гриднева М.В.* “Стоит посмотреть...”: из истории первых советских исследований на Южном Сахалине // Из века в век. Матер. междунар. науч. конф., посв. 120-летию открытия первого музея на Сахалине (12–17 сентября 2016 г.) / Отв. ред. Т.Г. Мироманов. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2017. С. 223–229.
58. *Навиндовский Н.А.* Сказки сахалинских айнов // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XXIV. 1965. С. 87–89.
59. ГИА СО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 454. Л. 82.
60. ИМГиГ ДВО РАН. Книга приказов (1946–1949 гг.). 1949. Л. 149.
61. ГИА СО. Ф. Р-562. Оп. 1. Д. 27. Л. 58.
62. АРАН. Ф. 679. Оп. 7. Д. 51. Л. 104.
63. *Алпатов В.М.* Дважды умерший (Н.Ф. Яковлев) // *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
64. *Harrison S.* The Indigenous Ainu of Japan and the “Northern Territories” Dispute. Diss. abstract. University of Waterloo, Ontario, 2007. [https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%](https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%20)
65. Территориальный вопрос в Афро-Азиатском мире / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013.
66. История советской политической цензуры. Документы и комментарии / Отв. сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЕН, 1997.
67. *Васильев Б.А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 76–104.
68. *Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Советская этнография. 1959. № 1. С. 153–156.
69. *Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии и её роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь. К 60-летию северной экспедиции МЭА РАН / Отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13–38.